

Н. И. Шутова**ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ УДМУРТОВ:
СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ, ПРОБЛЕМЫ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ**

Тема статьи – внутренняя структура удмуртского этноса XIX – нач. XX вв. Представлен обзор основных территориальных и локальных подразделений удмуртов по ряду показателей: данные языка, распределение поздних удмуртских могильников XVI – пер. пол. XIX вв., костюмные комплексы, расселение основных родовых групп. Вводятся определения терминов, используемых в современной этнологической литературе для обозначения структурных элементов этноса: этнографическая, этническая, территориальная и локальная группы. Для раскрытия темы автор обращается к анализу трёх направлений: верования и обряды удмуртов XIX – нач. XX вв.; проблема заселения и формирования этнографических групп; основные факторы, повлиявшие на формирование удмуртского народа. В первом направлении на основе фольклорно-этнографических материалов прослежены общеудмуртские черты религиозной культуры народа, а также наиболее важные характерные элементы верований и культовой практики северноудмуртских и южноудмуртских групп. В рамках второго направления анализируются важные аспекты освоения территории проживания четырёх территориальных группировок: среднее течение р. Вятки, Чепецкий бассейн, южная часть современной Удмуртии, нижнее течение правобережья р. Вятки и низовья Камы – по данным средневековой археологии. При этом кратко характеризуется сводка особенностей археологических памятников и итоги их изучения, основные исследователи; прослежен также процесс формирования населения в этих ареалах. Указаны наиболее слабо изученные аспекты рассматриваемой проблемы. В рамках третьего направления определены основные причины оформления единого удмуртского народа: общая пермская подоснова этнотерриториальных удмуртских групп, длительное развитие в рамках единого социокультурного объединения – Волго-Камский регион, консолидирующие функции крупных окружающих и территориальных святилищ, влияние болгарской и русской культур.

Ключевые слова: удмурты, территориальные и локальные группы, формирование этноса, верования и обряды, проблемы заселения.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-503-519

В условиях глобализации и унификации всех сторон жизни современного общества изучение этнических проблем и вопросов этногенеза народов оказалось на периферии научных разработок. Вместе с тем интерес к локальной истории и культуре народа, к структуре составляющих его компонентов, проблемы значимости многообразных способов и форм существования феномена этничности остаётся базовым направлением исторической науки. Актуальность этих исследований имеет не только научное, но и практическое значение в многонациональной и многоконфессиональной России. Этим обусловлено обращение к теме этнотерриториальных групп удмуртского этноса, тем более, что в последние десятилетия не проводились исследования по проблемам этногенеза и этнической структуры удмуртского этноса.

Удмурты – народ относительно целостный, компактно расселённый с преимущественно единым этническим самосознанием и общим языком. В его структуре вычлняются две большие этнографические группы: северная (*уйпал удмуртъёс*) и южная (*лымышор пал удмуртъёс*), сформировавшиеся под воздействием природных, генетических, социально-экономических, политических и социокультурных факторов. Северные удмурты населяют преимущественно бассейн Чепцы (северные р-ны Удмуртии, Слободской и Унинский р-ны Кировской обл.). Южные удмурты проживают на юге Удмуртии, в северных р-нах Татарстана, в южных р-нах Пермского края и в северных р-нах Башкортостана. Каждое из этих двух подразделений в свою очередь включало в себя ещё ряд более мелких территориальных и локальных групп.

Подразделение на две этнографические группы фиксируется по ряду показателей.

Карта фиксации поздних могильников XVI – пер. пол. XIX вв. (рис. 1) показывает основную территорию расселения удмуртов, сложившуюся в целом к концу XVII–XVIII вв. Естественной гра-

ницей между ними служила слабо заселённая полоса территории по водоразделам рек Чепцы, Кильмези и верховьев Ижа [Шутова 1992, 99–102, 186–187].

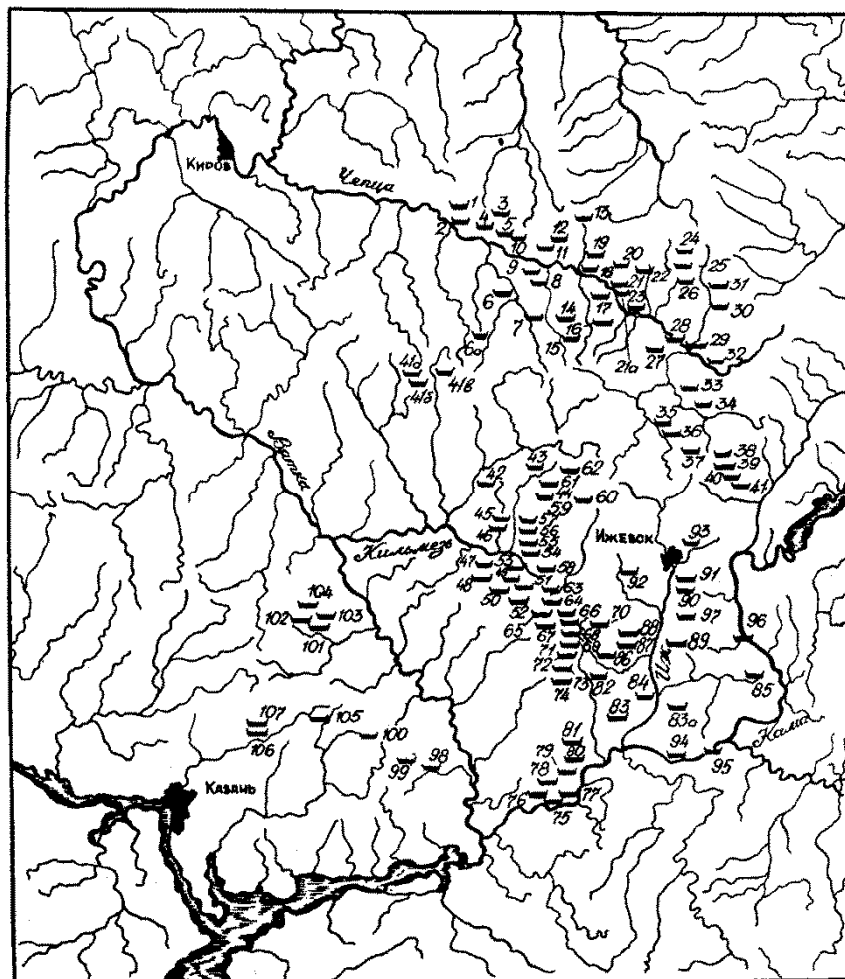

Рис. 1. Карта удмуртских могильников XVI–XIX вв. (сост. Н. И. Шутова)

По данным переписей XVII–XVIII вв., В. С. Чураков подготовил карты расселения 5 севернoudмуртских (Бигра, Дурга, Сюра, Чабья, Чола) и 7 южнoudмуртских (Дёкья, Жикья, Какся, Можга, Пельга, Шудья, Юмья) родов, чётко демонстрирующих ареалы проживания северных и южных удмуртов [Чураков 2007а: 99–93, 98–100]. Эти сведения перекликаются с картами по локализации основных удмуртских родов, составленными М. Г. Атамановым на основе фольклорно-диалектологических и этнографических данных. В севернoudмуртском ареале (в среднем течении Вятки и на р. Чепце) располагались следующие родовые группировки: Апя, Бёня, Кушья, Ташья, Чуйя, Удя, Эбга, Лекма, Чола, Чудна, Бигра, Дурга, Дурга-Пёбья, Пёбья, Сяня, Чабья, Уля, Узя; на территории калмезов проживали роды Бия, Болма, Вамья, Дёкья, Жикья, Какся, Можга, Тукля; в собственно южнoudмуртских районах – Бодья, Венья, Затча, Кибья, Нёрья, Пельга, Уча, Чудза; в среде завятских удмуртов – Зумья, Уча и др. [Атаманов 2001, 138–139].

Карта распределения костюмных комплексов (рис. 2) показывает, что в составе севернoudмуртского ареала выделены нижне- и верхнечепецкий; в составе южнoudмуртского – собственно южнoudмуртский, калмезский, завятский (арский), закамский, бавлинский. Отмечен переходный шарканско-якшур-бодьинский тип [Лебедева, Атаманов 1987].

Удмуртский язык состоит из северного и южного наречий (рис. 3). В составе северного выделены нижнечепецкий, среднечепецкий и верхнечепецкий диалекты (в пределах последнего из них наиболее своеобразен тыловый говор). Тщательное исследование северного наречия удмуртского языка показало относительное единство трёх указанных диалектов по фонетическому составу, морфологическому строю и основному словарному фонду [Максимов 2009, 39; Карпова 2018, 11–12, 39–40]. В южной части мы видим пёструю картину южнoudмуртских, срединных и периферийно-южных

говоров. Так, в составе южного наречия выделены два диалекта: центрально-южный, или южный, включающий 5 говоров, и периферийно-южный, включающий 9 говоров. К срединным отнесено 5 локальных говоров [Максимов 2009, 39]. К сожалению, детальные работы по изучению южных наречий и переходных групп пока не проводились.

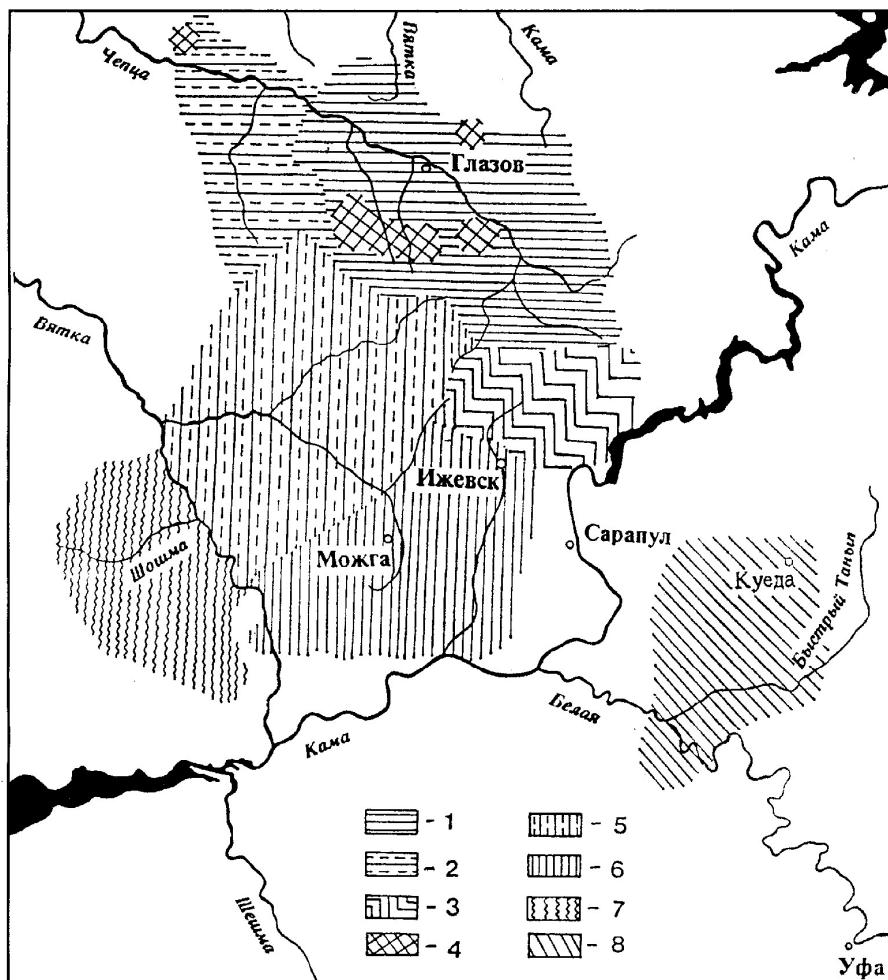

Рис. 2. Карта распространения костюмных комплексов удмуртов (сост. М. Г. Атаманов и С. Х. Лебедева)

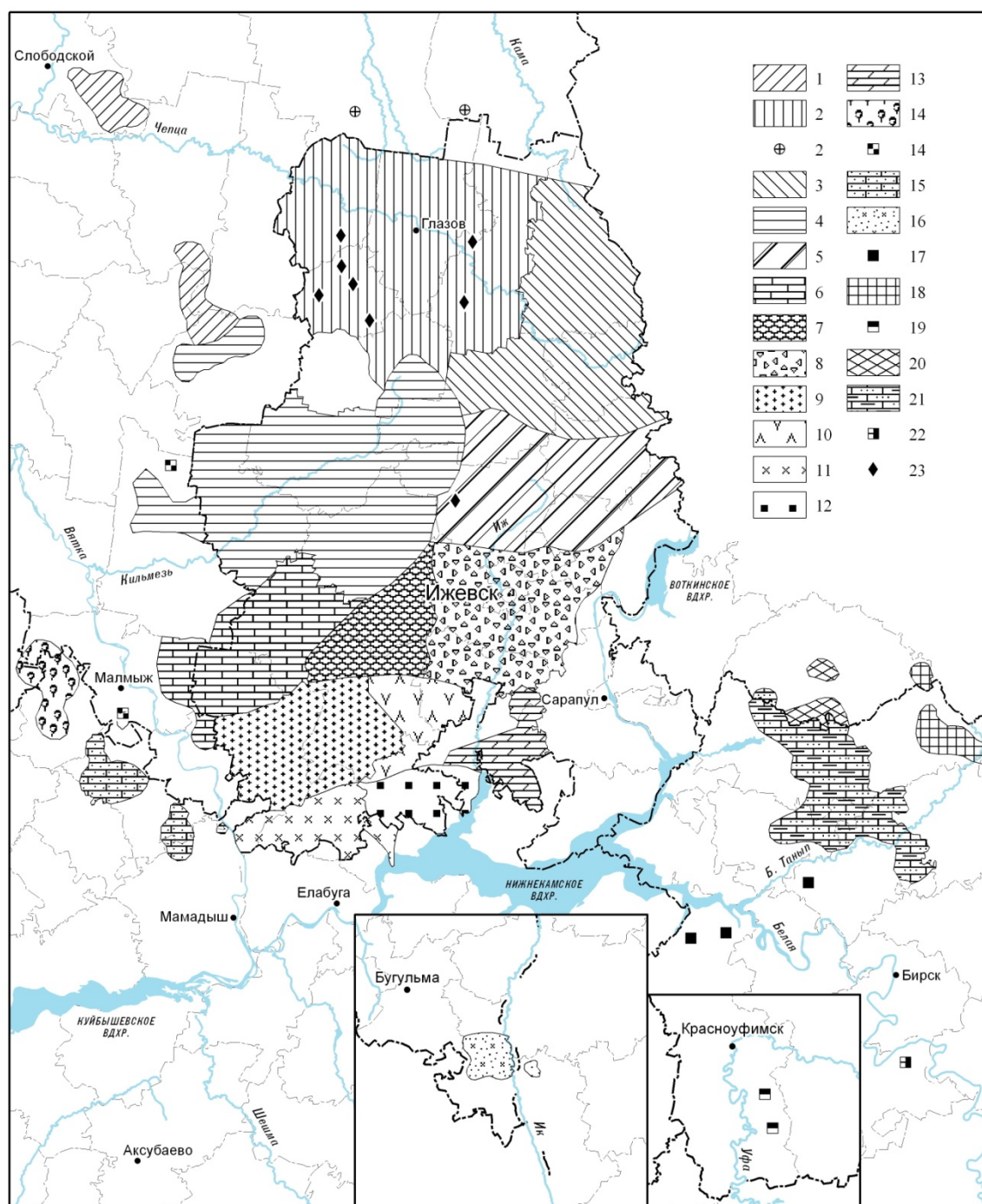
Основные понятия

В современной этнологической литературе для обозначения структурных элементов этноса используют термины «этнографическая группа», «территориальная группа», «локальная группа», «этническая группа». По Ю. В. Бромлею, под этнографическими группами принято понимать «те локальные (внутренние) подразделения этноса-народа, у которых имеются отдельные специфические элементы культуры» [Бромлей 1983, 84]. По В. И. Козлову, этнографическая группа – локальное подразделение этноса, отличающееся своим диалектом (говором), теми или иными компонентами материальной и духовной культуры. Такие группы обычно возникают при сильном расширении этнической территории, в результате чего части этноса оказываются в разных природных условиях, контактируют с различными иноэтническими группами и слабо общаются между собой, что ведёт к изменению их прежде одинакового типа традиционного хозяйства, к трансформации их материальной и отчасти духовной культуры [Козлов 1995].

Р. Г. Кузеев выделил два основных типа образований: этнографические и этнические. Каждый из них, по мнению исследователя, обладает в пределах общих свойств этноса определенным культурным и языковым своеобразием, территорией формирования и функционирования. Этнографические группы складывались на основной этнической территории; будучи органической частью этноса, они участвовали в процессе его консолидации в более сплоченную общность. Этнические группы рассе-

лялись и функционировали в отрыве от материнского этноса, вне основной этнической территории, а поэтому не участвовали или слабо участвовали в консолидационных процессах этносоциального организма [Кузеев 1992, 228].

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДИАЛЕКТОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

Рис. 3. Карта диалектного членения удмуртского языка (сост. С. А. Максимов)

Для определения относительной хронологии формирования этнографических групп Р. Г. Кузеев вычленил две основные разновидности этнографических образований: старые *генетические* и новые *приобретённые*. В генетических или традиционных группах значительную роль играют архаич-

ные признаки /компоненты культуры; в их сложении принимали участие родоплеменные образования. Территориальные или приобретенные группы имеют смешанные этнокультурные признаки, образовавшиеся в процессе внутриэтнических и межэтнических взаимодействий и характерные для периферийных зон [Кузеев 1992, 228–229, 275–281].

По З. П. Соколовой, выделены две категории структурных элементов этноса. Этнографические соответствуют большим диалектным группам; сложение их относится к далёкому историческому прошлому, ареал их обитания совпадает с территорией уезда. Они отличаются самоназванием, существенными различиями в культуре, заключением браков внутри своей группы. Территориальные, изолированные в речных долинах, отличаются языковыми особенностями на уровне говоров или наречий, самоназванием географического характера и некоторым этнографическим своеобразием; ареал их обитания соответствует волости или группе волостей. Исследователь также использует термин «локальная группа» в узком смысле, как небольшую группу жителей одного поселка [Соколова 1975, 209–210].

В нашем случае северные и собственно южные удмурты, калмезы и завятские удмурты складывались на основной этнической территории. Закамские удмурты сформировались позднее и в отрыве от материнского этноса, вне основной этнической территории, а потому в статье эта группа не рассматривается.

Тема формирования и специфики этнокультурной дифференциации – сложная, многоаспектная, требующая привлечения разнородных источников. В рамках настоящей статьи остановимся на трёх основных направлениях.

Первое из них – территориальные и локальные верования и обряды удмуртов XIX – нач. XX в. по фольклорно-этнографическим данным

Для реконструкции традиционной этносоциальной структуры удмуртов XIX – нач. XX вв. чрезвычайно важны верования и обряды как наиболее консервативная и труднее поддающейся новациям часть этнической культуры. Заметим, что на фоне общей однородной картины религиозной культуры удмуртов тоже наблюдаются определённые территориальные и локальные различия. В первую очередь это подразделение на северную и южную традиции, каждая из которых соответственно состоит из множества локальных стадийных и культурных напластований. Граница между ними проходит по водоразделу между верховьями левых притоков Чепцы и верховьями правых притоков Камы (Шарканский, Унинский и Игринский, Красногорский р-ны Удмуртии).

Общеудмуртские черты включают восходящие к средневековому времени культы семейно-родовых покровителей, хозяев Дикой Природы и умерших предков. В соответствии с этим существовали три основные категории культовых мест: семейные, родовые / патронимические святилища *куала*, племенные /территориальные святилища; капища для поклонения хозяевам Дикой Природы; места, связанные с выполнением погребально-поминальных обрядов. Помимо этого, имелись крупные святилища отдельных окружных, племенных удмуртских групп. Главными божествами пантеона их всех являлись *Инмар* (бог неба, главный бог, в поздней традиции христианский Бог) и *Кылдысин* (бог-творец, бог плодородия, в поздней традиции – ангел-хранитель). Среди семейно-родовых покровителей почитали божеств: *Воршуд* (хранитель счастья семьи, рода, т. е. определённого родственного коллектива), *Мудор* (сакральный центр родовой территории) и *Инву* (божество небесной росы; возможно, небесный сакральный центр).

Для всех групп характерно почитание природных объектов: водных источников (реки, родника, озёра, болота), деревьев и леса, возвышений.

Крупными календарными праздниками являлись праздник начала пахоты *Геры поттон / Гырыны потон* у северных, *Акашка* – у собственно южных и завятских (*весной*) и праздник завершения пахоты *Гербер / Гырон быдтон (летом)*.

Характерные черты североудмуртских верований (нижне-, средне- и верхнечепецких) [подробнее: Шутова 2018]. На севере сохранились воззрения о женской ипостаси божества плодородия *Кылдысина /Кылчина* (среди унинских удмуртов *ватка* представления о *Кылдысин-мумы* и *Кылдысин-баба*), сведения о Золотой Бабе. Существовали специальные женские капища *Кылдысин каронни* (жертвование *Кылдысину*); выявлены отголоски проводимых в старину женских праздников. Характерно отнесение *Куазя* (божества погоды и атмосферных явлений) к богам высшего круга.

Зафиксированы архаичные семейные капища *куала* в виде обмазанного глиной сруба, в форме ямы /углубления, огороженной площадки. Подобные типы священных мест были распространены у средневековых удмуртов, а также у других финно-угорских этносов Приуралья и Среднего Поволжья. Среди верхнечепецких удмуртов выявлено отдельное капище *Воршуд*. В куале главным божеством являлся *Воршуд* (хранитель счастья семьи, рода). Консолидирующую роль выполняли святилища Инмала у слободских и унинских удмуртов-*ватка*, Губервось у северных чепецких удмуртов. Как правило, крупные капища больших группировок формировались здесь на основе Великой куалы: капище Инма, Губервось, Большая Пурга. Это указывает на первичность культа семейно-родовых покровителей, первичность родственных родовых коллективов.

В к. XIX – нач. XX вв. возле р. Чепцы или местной реки водяному *Вумурту* жертвовали рыжего бычка. Моления хозяевам реки регулярно проводились весной: праздник Ёб келян ('проводы льда') – и осенью: Ёж сиён ('трапеза с уткой') на лугу возле реки, на мосту через реку или специальном деревянном помосте на воде. В молитвенных обращениях выражалось пожелание о «размножении потомства от верховьев до низовьев р. Чепцы». Приведённые обычаи демонстрируют восходящую к Средневековью глубинную связь местного удмуртского сообщества с р. Чепцой и другими водными источниками региона.

На севере устраивались общественные жертвоприношения лесному (*Нюлэсмурт*, *Чаёчамурт*). В них участвовали все члены деревенского сообщества. Осенью совершались частные мужские моления. В севернoudмуртской среде сохранились традиционные пласты верований пермских народов, тесно связанные с представлением о Дикой Природе (*Луд*), как особом пространстве, воплощающем животворное, всё созидающее /поглощающее начало. Существовали воззрения о родственной взаимосвязи сообщества людей с представителями «иной» реальности: к хозяевам Дикой Природы обращались как старшим и почитаемым родным – дедушкам, бабушкам, матушкам, батюшкам, старшим братьям, сёстрам, дядям.

В сфере погребально-поминальной обрядности у северных удмуртов существовало два основных типа культовых мест: кладбища и места для выбрасывания предметов умершего. На поминальных они жертвовали преимущественно мелкий рогатый скот – барана или овцу, домашних птиц. Как и на юге, здесь практиковалась традиция символического приношения умершему родственнику частей лошади или коровы. Однако под влиянием православия и в целях экономии эти обряды постепенно изживались. Кости животного после поминовения зарывали в пределах частного хозяйства: около конюшни, где-нибудь в огороде.

Характерные черты южноудмуртских верований. Особенность этого ареала – в некоторой ступенчатости или ярусности при распространении религиозных явлений. Такие черты южноудмуртской культурной традиции, как расчленённость на локальные ареалы, свидетельствует о сложности и разнородности южноудмуртского населения [подробнее см.: Шутова 2001].

Среди всех южноудмуртских групп распространён культ хозяина священной рощи Луда. Моления совершались ночью, в их проведении участвовала только мужская часть деревенского общества. Большинство крупных территориальных святилищ в этой среде (Даргалуд и Калмезлуд у калмезов, Нырбинский Куриськон у завятских удмуртов) сформировались на основе культа Луда – хозяина священной рощи. Священная роща в этом ареале становится объединяющей святыней для родственного коллектива. Традиция почитания рощ типична для чувашей и марийцев. В почитании Луда наблюдается влияние соседних тюркоязычных народов. Следует отметить, что отдельные случаи почитания священной рощи Луд /Керемет отмечены в верхне- и нижнечепецком ареале, а в тыловайском и кезском кустах сохранились отголоски подразделения семей на две группы: Великой куалы и рощи Луд.

В южноудмуртском ареале *Кылдысин* (или *Му-Кылдысин*) рассматривали как божество земли, *межа-утись* ('хранитель межи'). Здесь отмечены следы почитания божества *Акташа* ('белый камень'), существовали капища *Акташ*. Топонимы Акташ проникают отчасти и в Чепецкий бассейн.

В южноудмуртской среде жертвенным животным часто бывали лошадь, жеребёнок; на севере их заменяли бычками, овцами, баранами.

Общие черты собственно южных и завятских удмуртов. В этом ареале наблюдаются культы священной рощи Луд и семейно-родовой, патронимической и общедеревенской куалы. Среди этих двух групп населения произошла трансформация культа божества *Мудора*: если в других ареалах его символом было дерево (столб, полка – своеобразные заместители), то здесь отмечается его связь с другими природными объектами: локальной рекой, камнем.

Общими для отмеченных групп было распространение весеннего праздника начала посевной *Акашка*; проведение обряда *йыр-пыд сётон* ('жертвование головы и ног животного') – символическое одаривание умершего мужчины – лошадю; умершей женщины – коровой. После завершения обряда кости животного выбрасывали на особом месте *Йыр-пыд сётон* за пределами селения.

У собственно южных удмуртов существовало подразделение на три социокультурные группы-выжы: род Великой куалы, род Луда и род Булды, – соответственно почитанию определённого святилища.

Для этой группы характерно было почитание божества Булды. Известно около двух десятков святилищ Булда; они отпочковались из одного – возможно, нескольких – центров. Ареал молений Булда включает территорию расселения собственно южных удмуртов, частично продвигается севернее – в ареал расселения калмезов (можгинская группа). Святилища Булда играли роль духовных центров и выполняли этноконсолидирующие функции; а культ Булды был одним из главных этноопределяющих признаков. Возможно, он привнесен в удмуртскую среду группой тюрко- и монгольских кочевников XIII–XIV вв., знакомых с христианскими и буддийскими идеями и расселившихся после монголо-татарского нашествия вблизи удмуртских селений, предположительно в бассейне р. Тоймы [подробнее см.: Шутова 2013].

Здесь распространены представления о *многоугольном* пространстве, реализованном в виде святилищ с многоугольной оградкой и в рекрутских песнях, в которых пространство родной деревни/края (возможно, Вселенной) ассоциируется с многоугольником (*сэрего, сэрего*). Аналогии этому представлению выявлены среди алтайских народов, у которых были распространены многоугольные строения, а в их фольклоре фигурирует многогранный /многоугольный Алтай как символ освоенного пространства [подробнее см.: Шутова 2010].

У *завятских удмуртов* в культе семейно-родовых покровителей на первом плане был *Мудор* (хозяин локальной местности, сакральный центр родовой территории). Главной святыней в Мудоркуале был камень *мудор*. Традиция почитания камня – это результат культурной конвергенции, связанной с южным тюркским влиянием, с влиянием ислама, а именно: с почитанием камня Кааба. Культ Луда здесь сосуществует и даже замещает собой культ *Куалы* (в частности, патронимические священные рощи-луды). На культ сакрального центра, хозяина /символа родовой территории лесных обитателей Камско-Вятского края, первоначально ассоциируемого с местным деревом /лесом и местной рекой, наслонилась традиция поклонения священному камню как прообразу святого предка, с одной стороны, и центра мироздания – с другой.

Здесь имелись специальные участки Бельгы (тюрк. 'знак, метка') для поминовения людей, умерших на чужбине.

Жители удмуртских селений правобережья р. Вятки (возможно, часть *калмезов* и *ватка*) входили в состав этнотерриториального объединения *завятские удмурты*. Крупные территориальные святилища Нырбинский Куриськон и Лызинское озеро воспринимались как своеобразная сакральная ценность завятских удмуртов, выполняя этноконсолидирующие функции.

Удмурты-калмезы. Консолидирующую роль в этом ареале выполняли святилища Дарагалуд и Дэменвось /Калмезвось. Религиозная традиция удмуртов-калмезов в значительной степени подверглась русскому православному влиянию.

Материалы исследования религиозной культуры указывают на лучшее сохранение традиционной родовой общины в северноудмуртской среде: на устойчивость и единство религиозных верований и обрядовой практики, связанных с почитанием семейно-родовых сакральных ценностей и объектов окружающей природной среды. Появление новых представлений и культов в южноудмуртской среде, формирование там отдельных социокультурных групп, разделенных по принципу почитания трёх культурных сфер: освоенного пространства, Дикой Природы и родоплеменного божества-покровителя Булды, – явились следствием определённой разнородности южноудмуртского населения, распространения среди него традиций территориальной соседской общины. В целом же в южноудмуртской среде чувствуется влияние разнородных этнокультурных групп тюрко-монгольского населения.

Второе направление – проблемы заселения и формирования этнографических групп по данным средневековой археологии (VI–XIV вв.)

Материалы, связанные с формированием населения на территории Камско-Вятского региона, добыты многими поколениями археологов. В последние годы основные этапы этногенеза удмуртско-

го народа изложены Р. Д. Голдиной в форме логичной и стройной схемы [1999]. Вместе с тем отдельные положения этой схемы остаются дискуссионными и требуют дальнейшей разработки, о чём будет сказано далее. В Средневековье финно-пермское население было локализовано в четырёх районах: Вятский бассейн, Чепецкий бассейн, южная часть современной Удмуртии, нижнее течение правобережья Вятки. Между этими группировками слабо освоенными оставались земли по мелким рекам и по водоразделам: они составляли резерв свободных земель, используемых как пастбищные, сенокосные и охотничьи угодья.

Северноудмуртское население формировалось на территории среднего течения Вятки и её притока Чепцы. Вятский бассейн (рис. 4, более 50 памятников; основные исследователи: Л. П. Гуссаковский, Н. А. Лещинская, Л. Д. Макаров) [Воронин и др. 1960; Гуссаковский 1999; Макаров 1995, 2002; Лещинская 1995; Историко-этнографический атлас 1998; Шутова и др. 2004, 12]. Пока эти материалы не введены в научный оборот в полной мере. Здесь выделяются две крупные группы, из которых прилегающая к Чепецкому региону северная группа (около 20 памятников) участвовала в формировании северных удмуртов.

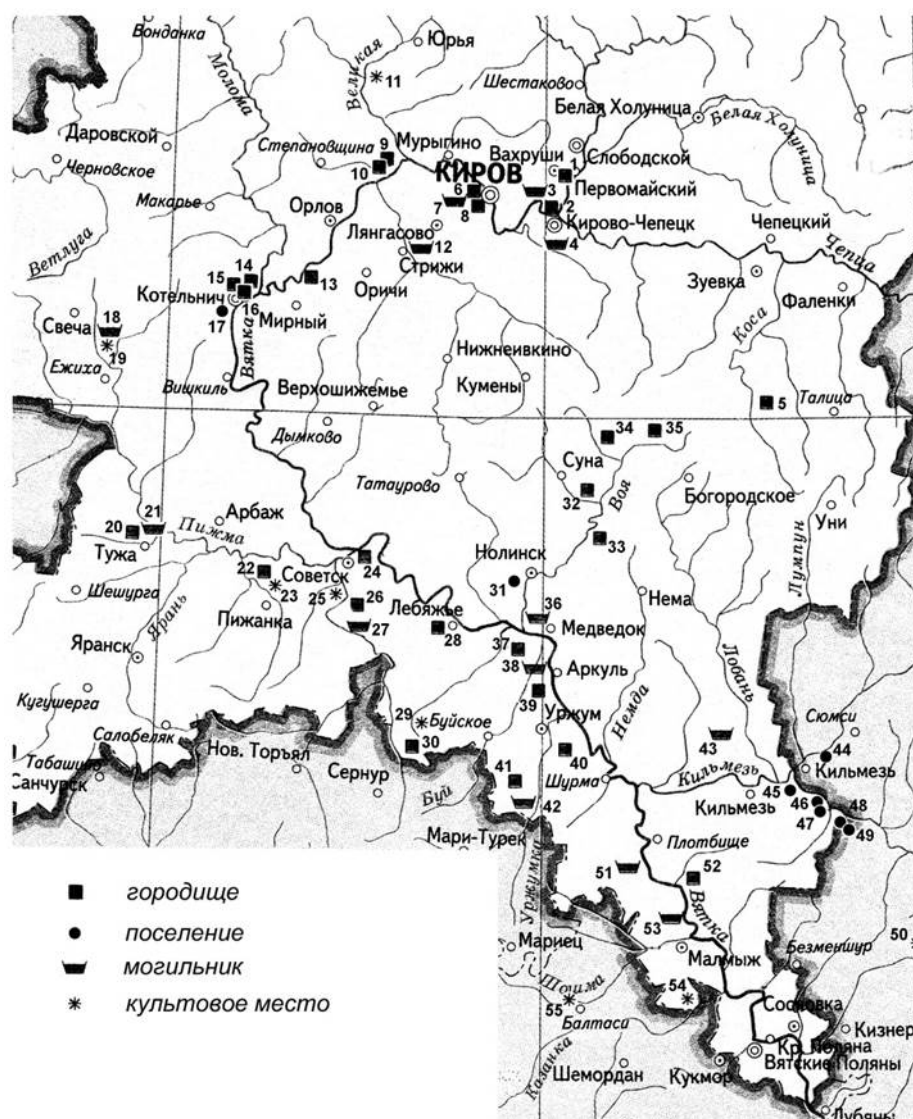

Рис. 4. Карта основных археологических памятников Вятского бассейна второй половины I – начала II тыс. н.э. (сост. Н. И. Шутова)

Чепецкий бассейн (рис. 5, более 300 памятников, основные исследователи: В. А. Семёнов, М. Г. Иванова, А. Г. Иванов) [Семёнов 1980; 1982; 1989; Иванова 1992; 1996; 1998; Иванов 1998]. Преобладающая часть материалов опубликована, в том числе карта археологических памятников

[Иванов и др. 2004]. В заселении этой территории участвовали локальные группы пермского населения: позднегляденевского с севера (Верхнее Прикамье), осинского с востока (Среднее Прикамье), позднеазелинского с запада (со Средней Вятки) и мазунинско-бахмутинского с юга современной Удмуртии. По данным А. Г. Иванова, зафиксированы следы инфильтрации небольших групп угорского (саргатского, кушнареновско-караякуповского) населения, которые быстро растворились в местной пермской среде [Иванов 2008, 150–161]. Это свидетельствовало о привлекательности Чепецкого бассейна для проживания, о стабильности и перспективности экономического и культурного развития поморско-чепецкой общности.

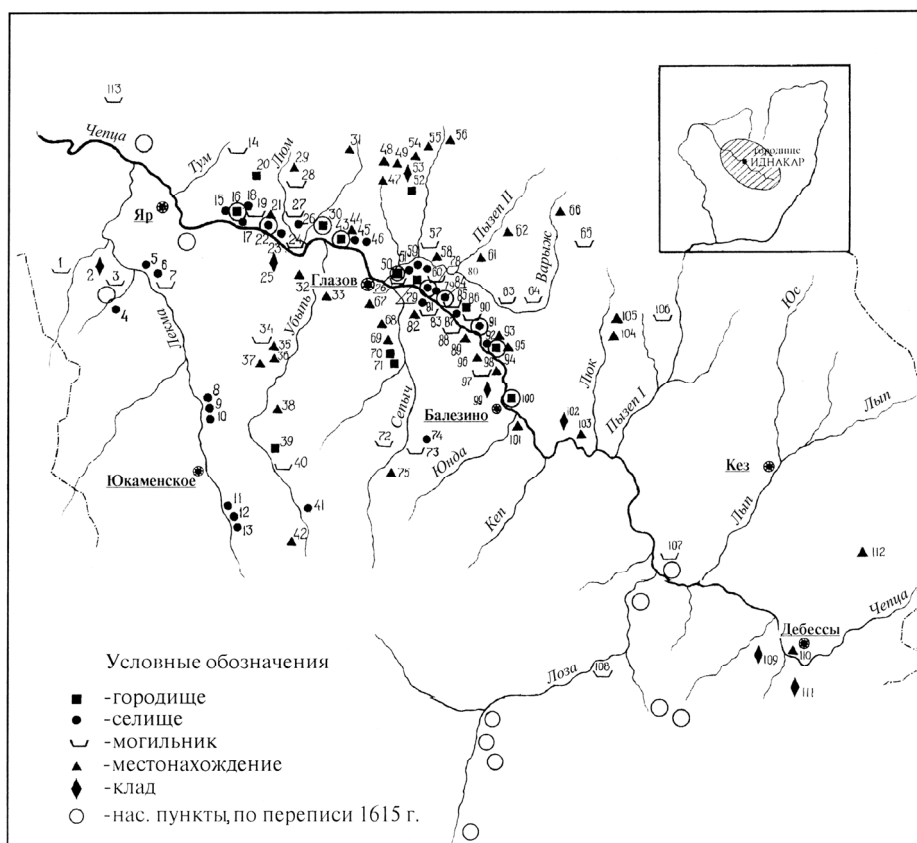

Рис. 5. Карта памятников чепецкой культуры конца IX–XIII вв. (сост. М. Г. Иванова)

К X–XIII вв. в бассейне Вятки немногочисленные локальные группы древнеудмуртских племён концентрировались вокруг местных городищ, бывших аграрно-ремесленными центрами. Чепецкое население, в сравнении с вятским, выглядело структурно более организованным; чепецкий бассейн был более плотно заселён. Здесь сеть локальных групп с местным городищем входила в состав крупного социокультурного объединения, в котором городище Иднакар выполняло функции этнотерриториального, административно-военного, ремесленно-торгового и религиозно-культурного центра. Шли процессы складывания раннефеодальных отношений и формирования древнеудмуртской народности.

Средневековое население Чепецкого края и прилегающих территорий непосредственно участвовало в формировании удмуртского этноса; они составили основной субстратный слой этой народности и явились прямыми предками современных удмуртов.

Формирование *южноудмуртской группировки* шло на основе южной вятской группы и группировки южной части Камско-Вятского региона (территория современной Удмуртии, нижнее течение правобережья Вятки и низовья Камы).

1. Немногочисленные южные вятские группы (рис. 4, южная часть вятской группировки, более 30 памятников) были расселены небольшими коллективами по р. Вятке и ее притокам: Воя, Немда, Кильмезь, Пижма, – по притокам р. Кильмези: Лумпун, Лобань и Вала. Крупные городища (Еманаевское, Пижемское, Бурыгинское / Нижневотское) выполняли функции ремесленных, культурных и религиозных центров местной сельской округи. Городища, размещенные по притокам р. Вой (Кур-

чумское, Архангельское, Ошланское, Верхне-Рябинское), в верховьях мелких рек, выполняли функции убежищ, временных поселений или культовых объектов. Единичные могильники (Кочергинский, Юмский, Сунцовский) – небольшие по площади и числу захоронений (не более десятка умерших); лишь в Тат-Боярском могильнике исследовано более 50 погребений [Лещинская 1995; Историко-этнографический атлас 1998; Голдина 1999, 309–329; Шутова 2011].

В последующем основная территория обитания средневековых племён существенно сдвинулась на восток в связи с продвижением древних марийцев и русской колонизацией края. Одна их часть участвовала в формировании удмуртов-калмезов, проживающих ныне в Удмуртии и Кировской обл.; вторая – по мелким правым притокам Кильмези рассеялась севернее в сторону Чепецкого бассейна. Третья группа племен продвинулась в юго-восточном направлении, по левому притоку Кильмези р. Вале. Прослежены факты инфильтрации удмуртов-калмезов на юг по р. Вятке, в ареал расселения завятских (балтасинских) удмуртов.

2. Собственно южные удмурты (рис. 6, более 50 памятников: Кузебаевское I, Благодатские I и II, Варалинское, Староигринское, Верхнеутчанское, Быргындинское II городища, 22 селища, Петропавловский к. VI – VII вв. Дербешкинский XII–XIV вв. могильники, жертвенное место Чумойтло и др.) были расселены четырьмя территориальными группами: центральная – в бассейне Ижа; западная – в бассейне Тоймы; восточная – по правым притокам Камы возле пос. Чеганда; четвертая юго-восточная (елабужская) оказалась за пределами карты [Шутова и др. 2004, 14]. Основные исследователи – Т. И. Останина, В. А. Семёнов, Р. Д. Голдина, Т. К. Ютина. Материалы этого ареала пока не полностью введены в научный оборот; не опубликована карта археологических памятников. В определении хронологии, культурной и этнической принадлежности между исследователями существуют разногласия.

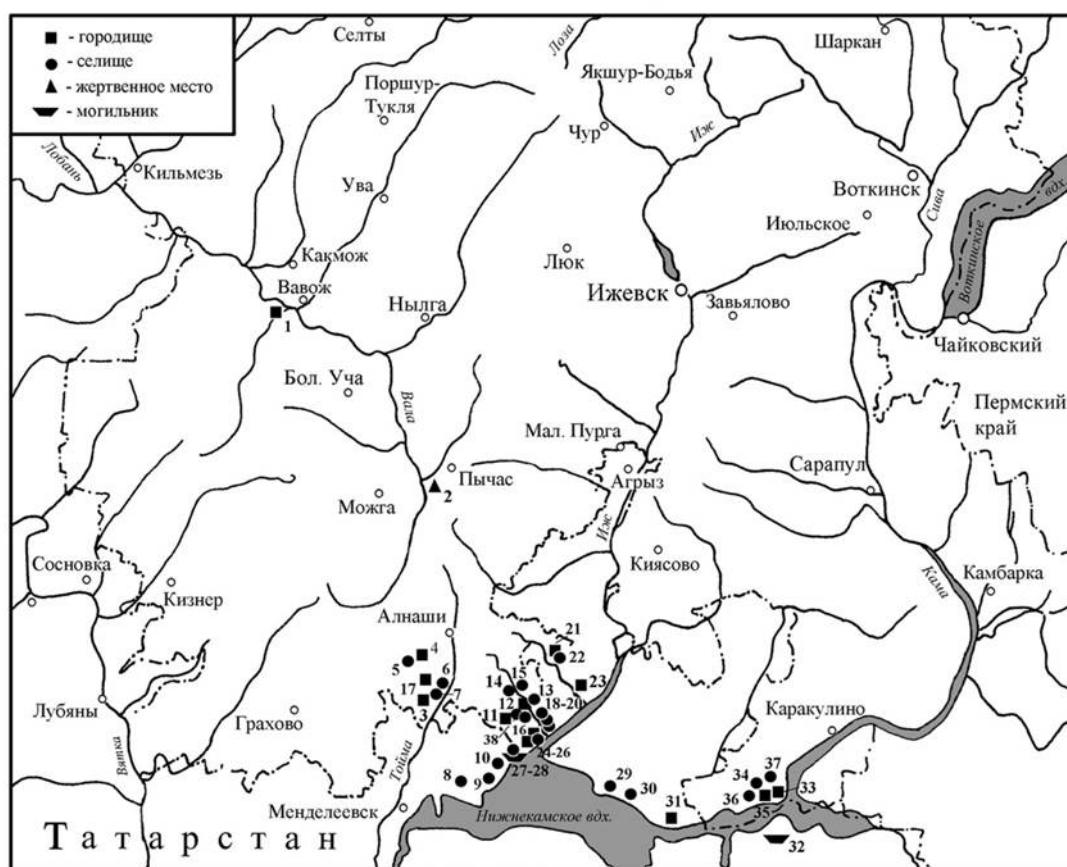

Рис. 6. Карта памятников основных археологических памятников Южной Удмуртии второй половины I – начала II тыс. н.э. (сост. Т. И. Останина)

К примеру, Т. И. Останина датирует указанные выше городища южной Удмуртии периодом III–V вв., полагая, что в дальнейшем они, за редким исключением, либо были заброшены, либо время

от времени заселялись разнородными в культурном и этническом отношении группами племен (финно-пермскими, протославянскими, угорскими) [Останина 1997; Шутова и др. 2009, 54–87]. По мнению Р. Д. Голдиной и Т. К. Ютиной, рассматриваемые городища использовались местными финно-угорскими племенами во вт. пол. I – нач. II тыс. н. э., объединяя их в верхнеутчанскую (VI–IX вв.) и чумойтлинскую археологическую культуры (X–XIV вв.) [Голдина 1999, 278–304].

Со времён Средневековья рассматриваемые территории становятся местом активных этнокультурных контактов, на что указывают археологические материалы смешанного типа: наряду с финно-пермскими (мазунинскими, полемскими) племенами, здесь спорадически появлялись балтославянские (именьковские), угорские (кушнаренковские, караякуповские) этнические группы [Шутова и др. 2009, 54–94, 140–156]. Вполне вероятно, что местные и пришлые племена были расселены чересполосно или даже проживали совместно в одних и тех же поселках. В последующем оставшаяся часть средневековых обитателей южноудмуртских ареалов и соседних территорий могла участвовать в формировании современного южноудмуртского населения. К сожалению, следы жизнедеятельности народов, проживавших на этих землях в VIII–XVI вв., по археологическим данным и письменным источникам прослеживаются слабо. С к. XVI – XVII в. в этом ареале расселены южные удмурты.

3. Завятские (арские) удмурты формировались на правом берегу Вятки и низовьях Камы (рис. 7, около 50 памятников: Кутюкское, Карабаяновское, Нижнешунское, Староучинское, Таутерменьское, Русско-Сердинское селища, Старозюринское, Кирбинское, Чутайские I и II городища, более десятка могильников XVII–XIX вв.; основные исследователи: В. А. Семёнов, Т. И. Останина, Н. И. Шутова [Шутова 1987, 2014; Останина 1995, 2002]. Этот ареал требует дополнительного изучения.

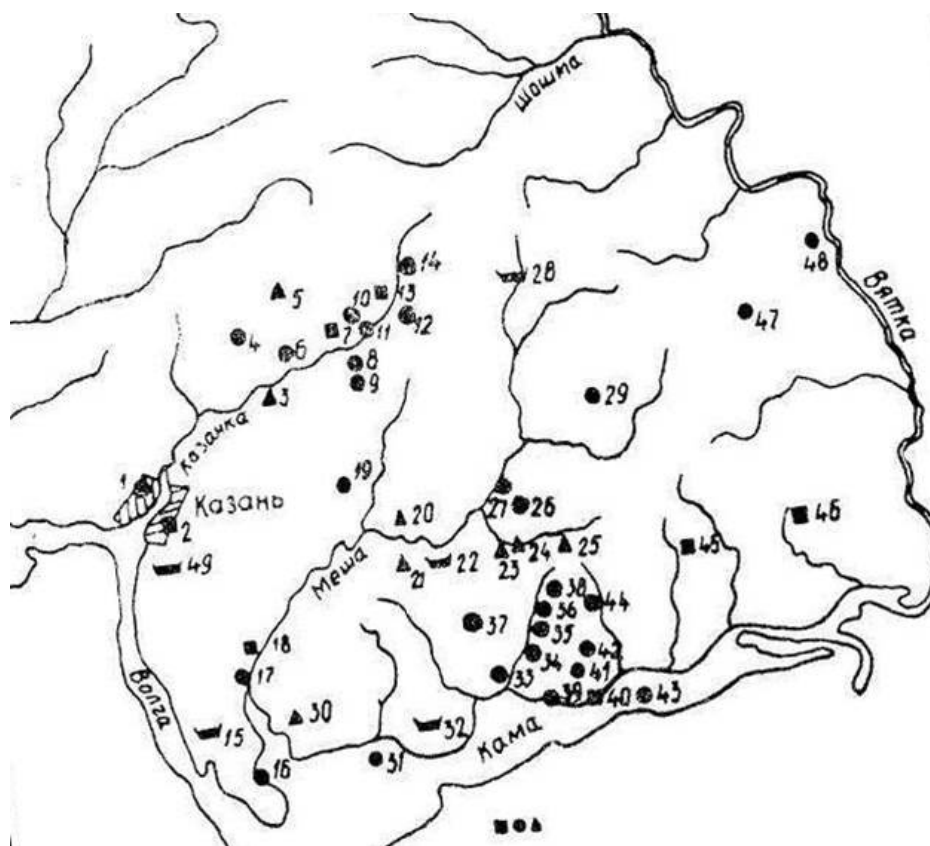

Рис. 7. Карта средневековых памятников конца I – начала II вв. на правом берегу Вятки и низовьях Камы (сост. Н. И. Шутова)

На рубеже VII–VIII в. в Нижнем Прикамье появились болгары, в к. IX в. здесь сложилось государство Волжская Булгария, в состав которого вошли большие группы пермян (население неволинской, ломоватовской и полемской культур). Существуют материалы, свидетельствующие о проживании удмуртских анклавов (наряду с другими этническими группами) на северных окраинах этого государства. В последующем арское население продвинулось на восток (южная часть современной Удмуртии), на север и северо-восток (к *калмезам* и отчасти – в Чепецкий бассейн).

Вместе с тем следует признать, что в целом тема формирования южноудмуртских групп населения (*калмезов*, собственно южных, завятских, закамских) пока слабо разработана по ряду причин.

В научной литературе распространено заблуждение, касающееся формирования северных удмуртов, в частности, и удмуртского этноса – в целом. Это идея о запустении Чепецкого бассейна после XIII в., о переселении чепецкого населения на север, на территорию коми-пермяков, коми-зырян и последующего замещения его южноудмуртскими и вятскими родовыми группами.

Ошибочность подобных утверждений подтверждается тем, что рассматриваемые идеи не обеспечены ни археологическими, ни этнографическими, ни письменными источниками. Так, на Чепце продолжали функционировать памятники XII–XV вв.: Гурдошурское селище и Солдырский II могильник, постоянное население проживало в окрестностях д. Иднакар (материалы четырёх могильников VIII–XIII вв., XI–XII вв., XIII–XIV вв., XVIII–XIX вв.) и другие случаи. Археологические материалы и исторические источники указывают на существование преемственности по составу родовых групп, характеру материальной и духовной культуры чепецкого населения двух периодов: Средневековья (X–XIII вв.) и позднего Средневековья (XVI–XVIII вв.).

По данным М. Г. Атаманова, глазовские удмурты помнили, что в д. Иднакар проживали представители рода Дурга, в д. Адаме – Чабья, в Дондыкаре – Кушья и т. д. [Атаманов 2001, 176–177]. О. В. Арматынская выявила на костяных изделиях чепецких городищ серию знаков собственности, схожих с тамгой северных родов Дурга (10 случаев), Чола (6 знаков), Ташья, а также – Пурга и Вортча [Арматынская 1995], что фактически указывает на проживание этих родовых групп в средневековых городищах в X–XIII вв.

Имеющиеся к настоящему времени археологические материалы позволяют говорить лишь о миграциях локального характера. Наблюдалось переселение средневековых удмуртов со Средней Вятки на восток из-за русской колонизации края в XIV–XVI вв.; случаи инфильтрации локальных удмуртских групп с Чепцы на север и встречное перемещение локальных групп коми в Чепецкий бассейн, с одной стороны, а также возможное перемещение каких-то локальных удмуртских групп с чепецкого ареала на южноудмуртские территории и наоборот: встречное движение с юга в Чепецкий бассейн – с другой.

Изменение системы расселения и перестройка внутренней структуры древнеудмуртских племён вызваны неблагоприятными климатическими, политическими и экономическими условиями жизни. Так, если в X–XIII вв. основная масса населения проживала преимущественно в долинах крупных и средних рек региона (Вятки, Чепцы), то с XVI – нач. XVII в. фиксируется сеть новых памятников в верховьях мелких рек или ручейков. Это были малодворные починки на «новорошчистных» землях. Аналогичные сдвиги в расселении прослежены и в других регионах Восточной Европы. Разрушение торговых, экономических и культурных связей после монгольского нашествия способствовало слабой «уловимости» археологических памятников XIV–XV вв., размытости этноопределяющих признаков удмуртской культуры, отсутствию датирующих вещей: монет и иных ценностей.

Первые сведения о численности удмуртов появились поздно, в Дозорной книге 1615 г. по Каринскому стану (Слободской уезд Вятской губ.), а полноценные письменные данные относятся к сер. XVII в. (переписи 1646, 1676 гг.). Сравнительный анализ данных переписей показал наличие большой разницы между численностью населённых пунктов X–XIII вв. (около 50–60 поселений) и 1615 г. (всего 22 поселения), а также существенный рост удмуртского населения на Средней и Верхней Чепце между 1615 и 1646 гг. Такое резкое увеличение количества дворов и поселений за короткий период может объясняться тем, что в 1615 г. не всё удмуртское население было охвачено переписью или часть материалов переписи была утеряна [Иванова 1987]. Как известно, для установления численности населения и податного обложения в 1503–1504, 1546, 1590–1595 гг. проводились государственные переписи населения Вятской земли, однако эти материалы до нас не дошли. Можно полагать, что первые проведённые переписи показали местному населению нежелательность обнаружения себя как податного населения, поэтому к следующей переписи в 1615 г. они могли прятаться по новорошчистным посёлкам, как это практиковалось ещё в к. XIX в.

И, наконец, данные реконструкции северноудмуртских верований, как наиболее консервативной части культуры, показывают, что среди них сохранились архаичные пермские черты верований и обрядности, которые демонстрируют привязанность к чепецкому региону. Именно чепецкая группировка составляет ядро древнеудмуртского и удмуртского этноса по цельности и единообразию религиозной культуры.

Третье направление – основные факторы, повлиявшие на формирование удмуртского этноса

В основе удмуртского этноса лежат общие пермские этнотерриториальные группировки Средневековья (вятская, чепецкая, южные, арская), которые проживали в схожих природно-климатических и социально-экономических условиях, в рамках единого социокультурного образования – Волго-Камья или Поволжско-Приуральского региона. По мнению К. А. Руденко, финно-угорский мир был определяющим в этнических процессах добулгарской эпохи. С X в. процессы социально-политической и этнокультурной активности были перенесены из Прикамья на берега Волги (Среднее Поволжье) и связаны с государством Волжская Булгария. С XI–XII вв. население региона оказалось в орбите экономических и политических интересов раннефеодальных государств Восточной Европы: Великого Новгорода, Ростово-Суздальского княжества – и стало испытывать славянское влияние. В целом рассматриваемая территория являлась зоной активных этнических и культурных взаимодействий кочевых и оседлых культур, которые носили циклический характер, переживая периоды спада и подъёма [Иванов 1998, 175; Руденко 2013, 423–425].

После монгольского нашествия (и разгрома Булгарского государства) с конца XIII в. (1236 г.) единое развитие Волго-Камского региона оказалось разрушенным. Удмуртские этнокультурные группировки стали развиваться как общий этносоциальный организм с разными включениями, связанными с перегруппировкой северных и южных локальных групп пермских племён, инкорпорациями славянских, болгарских и других тюркоязычных групп населения. Процесс формирования удмуртской народности происходил в условиях постоянных внутрирегиональных перемещений местного населения и его взаимодействия с пришлыми этносами.

Объединению способствовали общие представления о происхождении, картине окружающего мира, общности религии. Функционирование крупных общественных сакральных центров со своей системой почитания и обрядовой деятельности служили своеобразным объединяющим фактором, консолидируя жителей разнородных поселений в единую племенную /этнотерриториальную общность. Общественные моления на крупных родовых, окружных (Лек ошмес, Большая Пурга), племенных /территориальных (Нырйинский куриськон, святилища Булда, Имма, Гербервось и др.) сакральных центрах выполняли консолидирующие (духовные центры родственного коллектива), медиаторные (взаимодействие между миром людей и миром божеств) и коммуникативные (центры общественной жизни) функции. Они формировали культурное и духовное пространство этноса, содействуя становлению удмуртской идентичности.

Сформировавшиеся крупные северно- и южноудмуртские родовые коллективы участвовали в процессе консолидации в единую, сплоченную общность – *удмуртский народ*. Позднее ареалы обитания большинства этнотерриториальных и локальных групп удмуртского населения легли в основу административно-территориальных делений: приходо-волостей, уездов.

Несомненно, особо следует отметить значимость влияния болгарской и русской культур. Средневековая древнеудмуртская культура X–XIII вв., в сравнении с болгарской, и поздняя удмуртская XVI–XVIII вв., в сравнении с русской, выглядят как локальные культуры. Исследования А. В. Головнёва по проблемам процессов колонизации свидетельствуют, что локальные культуры обладали «преимуществом устойчивости и живучести благодаря непосредственной связи с землёй и ресурсами». Болгарская и русская культуры выступали как культуры магистральные, в которых «главную роль в посредничестве играла военно-политическая, жреческая или торговая элита, объединявшая своей активностью локальные культуры и создававшая тем самым новые пути контактов и новое качество взаимоотношений» [Головнёв 2009, 21]. Взаимодействие локальных и магистральных культур способствовало мобилизации этнических процессов и консолидации местных древнеудмуртских племён, что в конечном итоге привело к оформлению древнеудмуртской народности в Средневековье и удмуртской – в позднем Средневековье.

Материалы поздних удмуртских могильников XVI–XVIII вв., данные переписей и расселение родовых групп показывают, что окончательное оформление удмуртского этноса произошло в конце XVII – начале XVIII в., когда в рамках Русского государства произошла стабилизация системы расселения удмуртов на их современной территории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арма-тынская О. В. Древние знаки собственности северных удмуртов // Материалы и исследования города Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 98–105.

Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001. 216 с.

- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Раппопорт П. А., Седов В. В. Среднерусская экспедиция // КСИА АН СССР. 1960. Вып. 81. С. 86–94.
- Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 1999. 464 с.
- Головнёв А. В. Феномен колонизации. УрО РАН, Екатеринбург, 2015. 592 с.
- Гуссаковский Л. П. Из истории русской Вятки // Европейский север в культурно-историческом процессе (к 625-летию г. Кирова) / Отв. ред. В. В. Низов; материалы для публикации подгот. Л. А. Сенникова. Киров: КОГУП Киров. обл. типогр., 1999. С. 32–40.
- Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 309 с.
- Иванов А. Г. Группы кушнаренковско-караюповского населения между Камой и Вяткой // Проблемы бакальской культуры: Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры (г. Шадринск, 5–6 ноября 2007 г.) / Науч. ред. С. Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2008. С. 147–161.
- Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии / Под общей ред. А. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 276 с.
- Иванова М. Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987. С. 59–79.
- Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992. 182 с.
- Иванова М. Г. Удмурты в эпоху средневековья (По материалам бассейна р. Чепцы конца I – начала II тысячелетия н. э.). Автореф. ... док. ист. наук. М., 1996. 48 с.
- Иванова М. Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
- Историко-этнографический атлас Кировской области / Отв. ред. И. Ю. Трушкова. Киров: Изд-во ДИК, 1998. 40 с.
- Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018. 47 с.
- Козлов В. И. Этнографическая группа // Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. Вып. 6. 216 с.
- Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
- Лебедева С. Х., Атаманов М. Г. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 112–150.
- Лецинская Н. А. Вятский бассейн в I – начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Автореф. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 21 с.
- Макаров Л. Д. Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI вв. // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск, 1995. Вып. 1. С. 80–107.
- Макаров Л. Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета: хроника исследования // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 4). Ижевск. 2002. С. 188–228.
- Максимов С. А. Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам» // Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семёнов В. Г., Бусыгина Л. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 39–48.
- Останина Т. И. Из истории арских удмуртов (наброски к этногенезу южных удмуртов) // Традиционная материальная культура и искусство народов Урала и Поволжья. Ижевск: Изд-во Удм. госун-та, 1995. С. 3–17.
- Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. 327 с.
- Останина Т. И. Кирбинское городище на р. Меше // Finno-Ugrica. 2001–2002. № 1 (5–6). С. 15–43.
- Руденко К. А. Этнокультурное взаимодействие народов Волго-Камья в конце X–XIV вв. По данным археологии. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 682 с.
- Семенов В. А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.
- Семенов В. А. К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 43–62.
- Семенов В. А. Этнокультурные компоненты полемской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 20–33.
- Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 186–210.
- Чураков В. С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Научно-практический журнал «Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции». 2007а. № 2. С. 79–100.
- Шутова Н. И. К вопросу о расселении аров в конце I – первой половине II тысячелетия н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 114–132.

Шутова Н. И. Удмурты XVI – первой половины XIX в.: По данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

Шутова Н. И. Многоугольное пространство (сэрего, сэрего)» в удмуртском языке и культуре // Урало-Алтайские исследования. 2010. № 2 (3). С. 99–104.

Шутова Н. И. Средневековые древности удмуртов-калмезов // Authentic geography. Калмезы. Ижевск, 2011. № 2. С. 24–31.

Шутова Н. И. Культ Булды южных удмуртов: вопросы происхождения и семантики // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспекции. Сб. статей. Ижевск, 2013. С. 355–375.

Шутова Н. И. Этноархеологические исследования в северных районах Татарстана (Предкамье) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдинов, Н. А. Макаров, А. Н. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 200–202.

Шутова Н. И. Этнотерриториальные группы удмуртов: обряды и верования северных удмуртов. Ижевск: Изд-во «Шелест», 2018. 290 с.

Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / Науч. ред., авт. введ. и закл. Н. И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. 244 с.

Поступила в редакцию 27.06.2019

Шутова Надежда Ивановна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Удмуртский институт истории языка и литературы, УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: nad_shutova@mail.ru

N. I. Shutova

ETHNO-TERRITORIAL GROUPS OF UDMURTS: STATUS OF SOURCES, PROBLEMS AND RESULTS OF THE STUDY

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-503-519

The paper's theme is the internal structure of the Udmurt ethnos of the 19th – early 20th centuries. An overview of the main territorial and local divisions of the Udmurts was made according to the following indicators (criteria): the language, the location of the late Udmurt burial grounds of the 16th – first half of the 19th centuries, the costume complexes, the settling (inhabiting) zones of the main clan groups. The modern ethnological definitions such as ethnographic, ethnic, territorial and local groups used to denote structural elements of ethnos are given in the paper. To reveal the theme the author analyses three main directions. The first is the beliefs and rites of the Udmurts living in the 19th and early 20th centuries, the second is the problem of territories' colonization and the process of the ethnographic groups' formation, and the third is the main factors that influenced the Udmurts' formation. Within the first direction the all-Udmurt religious traits as well as the most important peculiarities of the beliefs and cult practices both of the Northern and Southern Udmurt groups are traced according to the folklore and ethnographic materials. Within the second direction the basic aspects of the colonization of four territorial groups' regions such as the Middle Vyatka River territories, the Cheptsya River basin, the southern part of modern Udmurtia, and the area between the right bank of the Lower Vyatka River and the Lower Kama River are explored according to the medieval archaeological data. The overall characteristics of the archaeological places and the results of their study, as well as the process of the population's formation at the above mentioned four regions are defined at the same time. Some poorly studied aspects of the problem under consideration are indicated. Within the third direction the four main factors for the joining process of the Udmurt ethnos formation are indicated. Among them are the common Perm base of all ethno-territorial Udmurt groups, then the long development including such sociocultural association as the Volga-Kama region, and also the consolidating functions of large district and territorial shrines, as well as the influence of the Bulgarian and Russian cultures

Keywords: Udmurts, territorial and local groups, formation of an ethnic group, beliefs and rites, problems of colonization.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 3, pp. 503–519. In Russian.

REFERENCES

Armatynskaya O. V. Drevnie znaki sobstvennosti severnykh udmurtov [Ancient Property Signs of the Northern Udmurts]. *Materialy i issledovaniya gorodisha Idnakar IX–XIII vv.* [Materials and Studies of the Idnakar settlement of the 9th –13th centuries]. Izhevsk: UIJAL Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 1995. pp. 98–105. In Russian.

Atamanov M. G. *Po sledam udmurtskikh vorshudov* [In the footsteps of the Udmurt vorshud]. Izhevsk, 2001. 216 p. In Russian.

Bromlei Yu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. M.: Nauka, 1983. 412 p. In Russian.

Voronin N. N., Gussakovskii L. P., Nikitin A. V., Rappoport P. A., Sedov V. V. Srednerusskaya ekspeditsiya. [Central Russian expedition]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii AN USSR* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 1960. Issue 81. pp. 86–94. In Russian.

Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of Udmurt people]. Izhevsk, Publ. house “Udm. un-t”, 1999. 464 p. In Russian.

Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 592 p. In Russian.

Gussakovskii L. P. Iz istorii russkoi Vyatki [From the history of the Russian Vyatka]. *Evropeiskii sever v kul'turno-istoricheskom protsesse (k 625-letiyu g. Kirova)* [European North in the cultural and historical process (to the 625th anniversary of the Kirov town)]. Kirov, KOGUP Kirov province Publ., 1999. pp. 32–40. In Russian.

Ivanov A. G. *Etnokul'turnye i ekonomicheskie svyazi naseleniya basseyna r. Cheptsy v epokhu srednevekov'ya (konets V – pervaya polovina XIII v.)* [Ethnocultural and economic ties of the Chepsta River basin population during the Middle Ages (late 5th – the first half of the 13th centuries)]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Science Publ., 1998, 309 p. In Russian.

Ivanov A. G. Gruppy kushnarenkovsko-karayakupovskogo naseleniya mezhdru Kamoi i Vyatkoii [Kushnarenkovo-Karayakupovo population groups between the Kama and Vyatka Rivers]. *Problemy bakal'skoi kul'tury: Materialy nauchno-prakticheskogo seminara po problemem bakal'skoi kul'tury* [Problems of the Bakal culture: Materials of the scientific and practical seminar on the problems of Bakal culture] (Shadrinsk, November 5–6, 2007). Chelyabinsk: Rifev, 2008. pp. 147–161. In Russian.

Ivanov A. G., Ivanova M. G., Ostanina T. I., Shutova N. I. *Arkheologicheskaya karta severnykh raionov Udmurtii* [Archaeological Mapping (Map) of the Northern Regions of Udmurtia]. Izhevsk: UIIYAL UrB RAS, 2004. 276 p. In Russian.

Ivanova M. G. Ob etnicheskoi prinadlezhnosti pamyatnikov Chepetskoi kul'tury [On the ethnicity of the monuments of the Chepetsk culture]. *Problemy etnogeneza Udmurtov* [Problems of ethnogenesis of the Udmurts]. Izhevsk, 1987. pp. 59–79. In Russian.

Ivanova M. G. *Pogrebal'nye pamjatniki severnykh Udmurtov XI–XIII vv.* [Burial grounds of the northern Udmurts of the 11th–13th centuries]. Izhevsk, 1992. 182 p. In Russian.

Ivanova M. G. *Udmurty v epokhu srednevekov'ia (Po materialam basseina r. Cheptsy kontsa I – nachala II tysyacheletia n. e.)* [Udmurts in the Middle Ages (According to the Materials from the Chepsta River Basin of the Late 1st up the Early 2nd millennium AD)]. Abstract of the Doctor diss., Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences. Moscow, 1996. 48 p. In Russian.

Ivanova M. G. *Idnakar: Drevneudmurtское городище IX–XIII vv.* [Idnakar: the ancient Udmurt fortified settlement of the 9th–13th centuries]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Science Publ., 1998, 294 p. In Russian.

Istoriko-etnograficheskii atlas Kirovskoi oblasti [Historical and Ethnographic Atlas of the Kirov Province]. Ed. by I.Yu. Trushkova. Kirov: Publishing House of the DIK, 1998. 40 p. In Russian.

Karpova L. L. *Dialekty severnogo narechiya Udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Sub-tongues of the northern dialect of the Udmurt language: formation and current status]. Abstract of the PhD diss., Udmurt State University. Izhevsk, 2018. 47 p. In Russian.

Kozlov V. I. Etnograficheskie gruppy [Ethnographic group]. *Etnicheskie i etnosotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov* [Ethnic and ethnosocial categories: Code of ethnographic concepts and terms]. M., Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 1995. Issue 6.216 p. In Russian.

Kuzev R. G. *Narody Srednego Povolzhya i Yuzhnogo Urala: Etnogeneticheskii vzglyad na istoriyu* [The peoples of the Middle Volga River and Southern Urals. Ethnogenetic view of history]. M., Nauka, 1992. 347 p. In Russian.

Lebedeva S. Kh., Atamanov M. G. *Kostyumnye komplekсы y Udmurtov v svyazi s ikh etnogenezom* [Costume complexes of the Udmurts in connection with their ethnogenesis]. *Problemy etnogeneza Udmurtov* [Problems of Ethnogenesis of the Udmurts]. Ustinov, 1987. pp. 112–150. In Russian.

Leshchinskaya N. A. *Vyatskii bassein v I – nachale II tys. n. e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [The Vyatka River basin in 1st – early 2nd millennium BC (according to archaeological sources)]. Abstract of the Kandidat diss. Izhevsk, 1995. 21 p. In Russian.

Makarov L. D. Slavyano-russkoe zaselenie basseyna r. Vyatki i istoricheskie sud'by Udmurtov Vyatskoi zemli v XII–XVI vv. [Slavic-Russian colonization process at the Vyatka River basin and the historical fate of the Udmurts of the Vyatka River territory in the 12th–16th centuries]. *Materialy po istorii Udmurtii (s drevneishikh vremien do serediny XIX v.)* [Materials on the history of Udmurtia (from the ancient times to the middle of the 19th century)]. Izhevsk, 1995. Issue 1. pp. 80–107. In Russian.

Makarov L. D. Russkie arkheologicheskie pamyatniki v materialakh Kamsko-Vyatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Udmurtskogo universiteta: khronika issledovaniia [Russian archaeological sites according the materials of the Kama-Vyatka archaeological expeditions of the Udmurt University: a chronicle of research]. *Issledovatel'skie traditsii v arkheologii Prikamya* [Research traditions in the archeology of the Kama River region]. Izhevsk, 2002. pp. 188–228. (Materials and research of the Kama-Vyatka archaeological expedition. T. 4). In Russian.

Maksimov S. A. Kommentarii k kartam “Dialektnoe chlenenie Udmurtskogo yazyka” i “prinadlezhnost' opornykh punktov k territorial'nym dialektam” [Commentary to the maps “Dialect division of the Udmurt language”

and “affiliation of basic points to territorial dialects”). Nasibullin R.Sh., Maksimov S.A., Semenov V.G., Busygina L.V. *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii* [Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments]. Vol. I. Izhevsk: SIC “Regular and chaotic dynamics”, 2009. pp. 39–48. In Russian.

Ostanina T. I. Iz istorii arskikh udmurtov (nabroski k etnogenezu yuzhnykh udmurtov [From the history of Arsk Udmurts (drafts for the ethnogenesis of the Southern Udmurts)]. *Traditsionnaya material'naya kul'tura i iskusstvo narodov Urala i Povolzhya* [Traditional material culture and art of the peoples of the Urals and Volga River region]. Izhevsk: Publishing House Udm. State University, 1995. pp. 3–17. In Russian.

Ostanina T. I. *Naselenie Srednego Prikam'ya v III–V vv.* [Population of the Middle Kama River region in the 3rd–5th centuries]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, the Urals Branch of the Russian Academy of Science Publ., 1997, 327 p. In Russian.

Ostanina T. I. *Kirbinskoe gorodishche na r. Meshe* [The Kirbi fortified settlement at the Mesha River]. *Finno-Ugrika*. 2001–2002, № 1 (5–6), pp. 15–43. In Russian.

Rudenko K. A. *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Volgo-Kamya v kontse X–XIV vv. Po dannym arkheologii* [Ethnocultural interaction of the peoples of the Volga River and the Kama Rivers region at the late 10th – 14th centuries. According to the archaeological data]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 682 p. In Russian.

Semenov V. A. Varninskii mogil'nik [The Varni cemetery]. *Novyi pamyatnik polomskoi kul'tury* [New monument of the Polom culture]. Izhevsk, 1980. pp. 5–135. In Russian.

Semenov V. A. K voprosu ob etnicheskom sostave naseleniya basseina r. Cheptsy po dannym arkheologii [To the question on the ethnic structure of the Cheptsya River basin's population according to the archaeological data]. *Materialy po etnogenezu Udmurtov* [Materials on the ethnogenesis of the Udmurts]. Izhevsk, 1982. pp. 43–62. In Russian.

Semenov V. A. Etnokul'turnye komponenty polomskoi kul'tury [Ethnocultural components of the Polom culture]. *Novye issledovaniya po etnogenezu udmurtov* [New studies on the ethnogenesis of the Udmurts]. Izhevsk, 1989. pp. 20–33. In Russian.

Sokolova Z. P. K voprosu o formirovanii etnograficheskikh i territorial'nykh grupp u obskikh ugrov [To the question on the formation of ethnographic and territorial groups among the Ob Ugrians]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]. M., Nauka, 1975. pp. 186–210. In Russian.

Churakov V. S. *Rasselenie udmurtov v Vyatsko-Kamskom regione v X–XVI vv.* [The settlement process of the Udmurts in the Vyatka and Kama Rivers region in the 10th–16th centuries]. Nauchno-prakticheskii zhurnal “Idnakar: Metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii” [Scientific and practical journal “Idnakar: Methods of historical and cultural reconstruction”]. 2007. No. 2. pp. 79–100. In Russian.

Shutova N. I. K voprosu o rasselenii arov v kontse I – pervoi polovine II tysyacheletiya n. e. [On the issue of the settlement process of Ars at the late 1st – first half of the 2nd millennium AD]. *Problemy izucheniya drevnei istorii Udmurtii* [Problems of studying the ancient history of Udmurtia]. Izhevsk, 1987. pp. 114–132. In Russian.

Shutova N. I. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: Po dannym mogil'nikov* [Udmurts in the 16th – first half of the 19th centuries: According to the burial grounds data]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Science Publ., 1992, 264 p. In Russian.

Shutova N. I. “Mnogougol'noe prostranstvo (serego, serego)” v udmurtskom yazyke i kul'ture [“Polygonal space (serego, serego)” in the Udmurt language and culture]. *Ural-Altai studies*. 2010. No. 2 (3). pp. 99–104. In Russian.

Shutova N. I. Srednevekoveye drevnosti udmurtov-kalmezov [Medieval antiquities of Udmurts-Kalmez]. *Authentic geography. Calmesy*. Izhevsk, 2011. No. 2. pp. 24–31. In Russian.

Shutova N. I. Kul't Buldy yuzhnykh udmurtov: voprosy proiskhozhdeniya i semantiki [The cult of Bulda among the southern Udmurts: issues of origin and semantics]. *Evrasiiskoe mezhekul'turnoe prostranstvo v istoricheskoi retrospekcii* [Eurasian intercultural space in historical retrospection]. Sat articles. Izhevsk, 2013. pp. 355–375. In Russian.

Shutova N. I. Etnoarkheologicheskie issledovaniya v severnykh raionakh Tatarstana [Ethno-archaeological research in the northern regions of Tatarstan (Cis-Kama territory)]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan] / Ed. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.N. Derevyanko. T. III. Kazan, Fatherland, 2014. pp. 200–202. In Russian.

Shutova N. I. *Etnoterritorial'nye gruppy udmurtov: obryady i verovaniya severnykh udmurtov* [Ethno-territorial groups of Udmurts: rites and beliefs of the northern Udmurts]. Izhevsk, Shelest Publishing House, 2018. 290 p. In Russian.

Shutova N. I., Kapitonov V. I., Kirillova L. E., Ostanina T. I. 2009. *Istoriko-kulturnyi landschaft Kamsko-Vyatskogo regiona* [Historical and cultural landscape of the Kama-Vyatka region]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Science Publ., 2009, 244 p. In Russian.

Received 27.06.2019

Shutova Nadezhda Ivanovna,

Doctor of History, Leading Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
Lomonosova st., 4, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: nad_shutova@mail.ru